

ОСЕНЬ РЕФОРМАТОРА: КАН Ю-ВЭЙ В ЭМИГРАЦИИ (1898–1902)

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова

Статья посвящена жизни и деятельности Кан Ю-вэя (1858–1927) в первый период его эмиграции после провала Движения за реформы 1898 г. Данный период его жизни совершенно не представлен в отечественной историографии.

Ключевые слова: Кан Ю-вэй, реформаторство, Общество защиты императора.

Выдающийся китайской реформатор Кан Ю-вэй (1858 – 1927) известен как многосторонне эрудированный учёный, один из предтеч современной политической теории в Китае, автор общественного идеала Великого единения (*Да тун*), вождь реформаторского движения в краткий период лета 1898 г. (*у-сьюй*), оппонент Чжан Чжи-дуна, Сунь Ят-сена, Юань Ши-кая – этот список далеко не исчерпывает всех аспектов его деятельности.

В рамках одной статьи невозможно представить даже жизненного очерка мыслителя во всей его полноте. Приходится ограничиться первым периодом его эмиграции, почти не известного отечественному читателю. (Литература о Кан Ю-вэе на русском языке практически отсутствует. Исключением будет великолепная монография С.Л. Тихвинского, впервые вышедшая ещё в 1959 г., и с тех пор дважды переиздававшаяся. Книга «Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй» была оценена и в Китае, будучи переведена в 1962 г.) Однако в книге С.Л. Тихвинского жизненному пути Кан Ю-вэя после 1898 г. посвящены полторы страницы послесловия. Настало время исправить это положение.

За пределами горячо любимой родины Кан Ю-вэй оказался в результате поражения группы реформаторов, собравшихся вокруг государя Гуан-сьюй (1875–1908), в борьбе с консервативными придворными кругами. 21 сентября 1898 г., по совету Лян Ци-чао и Тань Сы-туна, а также своего брата Гуан-жэня, Ю-вэй покинул Тяньцзинь на борту парохода «Чунцин». 24 сентября при подходе к Шанхаю, мыслителя встретил представитель британского консульства Дж.О. Блэнд, сообщивший об указе, отменяющем все мероприятия реформаторов. В «Автобиографии» Кан Ю-вэй описал этот эпизод так:

«В два [пополудни], когда мы собирались войти в устье Усуна, я прошёл на нос, понаблюдать [за швартовкой]... Здесь ко мне подошёл некий англичанин и спросил: «Вы – Кан?»

[Этого человека] я не знал, но ответил ему.

Тогда англичанин провёл меня в каюту и показал [мою] фотографию, и сравнивая меня с изображением, спросил: «Действительно ли это Ваше изображение?». Я ответил утвердительно.

Тогда он спросил: «Кого Вы убили в Пекине?»

Я рассмеялся, и ответил: «Как я могу быть вовлечён в убийство? Что за странный вопрос?»

Англичанин извлёк оттиск ложного декрета, распространяемого вместе с указом окружного правителя Шанхая Цзай Жуня; там говорилось, что «я отравил государя, давая ему киноварные пилюли», и что я должен быть «тайно арестован и казнён на месте». Когда я это читал, слёзы застилали мой взор. Англичанин спросил: «Вы действительно использовали пилюли, чтобы убить императора?»

Я тут же достал копии секретных документов, переданных мне императором, и вручил ему, рассказав об обстоятельствах, при которых получил их. Англичанин ответил: «Моё имя – Блэнд. Мой консул знает о вашей верности императору, и что вы не могли совершить такого преступления. Кроме того, он знает, что вы одобряете союз с Великобританией и ненавидите русских. Таким образом, он специально проинструктировал меня, и я прибыл на военном судне, чтобы спасти вас. Немедленно идите за мной к сходням. Времени не осталось совсем: шанхайский губернатор должен прибыть на борт с обыском».

Я последовал за ним к сходням. Только что услышав об убийстве (аресте – Д.М.) государя, и не понимая, для чего я понадобился британцам, я был в таком состоянии, что не имел никакого желания жить. Я думал броситься в море и на месте импровизировал поэму с четырьмя рифмами:

*Извержение пасти дракона затмило луну,
Звезда Цзы-вэй затмила луну государеву.
Этот ничтожный министр не в состоянии исполнить повеления,
Ночь за ночью его сердце будет с голубыми небесами и морями.*

Я написал предсмертное письмо и обращение к моей семье, а также письмо к моим ученикам. В письме Сюй Циню я просил его позаботиться о моём семействе. Эти краткие послания я вручил Ли Тану (слуге – Д.М.), который скрыл их на своём теле. Блэнд, видя мою печаль, успокаивал меня, говоря: «Нет никаких оснований говорить о смерти императора, это только слухи. Почему бы не подождать добрых вестей? Возьмите себя в руки!» После того как я взошёл на борт парохода [«Балараат»] компании [Peninsula and Orient Navigation], отшвартованного возле военного судна, я отправил телеграмму... в редакцию газеты «Китайский реформатор» в Аомэне, сообщив им, что я в безопасности, и упрасывая спасти моё семейство. Я отправил телеграмму [моим домашним]... и [моим студентам]..., приказывая им отправляться в Аомэнь».

После спасения семьи и большей части учеников, Кан Ю-вэй был вынужден покинуть пределы британских колоний в Китае. По приглашению премьер-министра Японии – маркиза Окума Сигэнобу, 19 октября 1898 г. экс-реформатор отплыл в Иокогаму, и 25 октября оказался в Токио, сопровождаемый Ли Таном, тремя учениками и племянницей Кан Тун-чжао. Правительство Японии оплачивало его расходы и предоставило ему в районе Васэда виллу, которую он назвал «Залой Поражения света» (*Мин и гэ*).

Предстояло заново начинать жизнь. У Кан Ю-вэя в этот период были два основных источника беспокойства: за семью, обосновавшуюся в британском Гонконге, и за государя. Учитывая полную потерю всех сподвижников в Китае (позднее был отдан приказ разорить могилы предков Кан Ю-вэя), оставалось налаживать связи в среде эмигрантов. По инициативе друга Кан Ю-вэя, бывшего премьер-министра Инукаи Цуёси, Лян Ци-чао пытался организовать встречу реформаторов с Сунь Ят-сеном, но как и в 1895 г., лидер реформаторов уклонился от встречи с лидером революционеров.

В это время Кан Ю-вэй начал осуществлять свои просветительские проекты: под руководством его ученика Сюй Циня в Токио открылась школа Великого Единения (*Да тун сюэ сяо*) – самое известное учебное заведение, из основанных за границей реформаторами. Пособия и книги пожертвовали князь Коноэ Асумаро, маркиз Окума, маркиз Создзима Танэоми и другие видные японские политики того времени. Почётным главой школы стал Инукаи Цуёси, а Касиваро Бунтаро стал исполнительным секретарём. Помимо образовательной миссии, школа несла известные политические функции. Англоязычная газета *Japan Weekly Mail* (October 1, 1898. P. 330-331) сообщала: «борьба либералов и консерваторов среди китайцев выглядит вполне мирно: одни связаны с российским банком в Иокогамском сеттльменте, другие, поддерживающие и посещающие школу *Да тун*, некогда были лояльны маньчжурскому режиму; по большей части, это уроженцы Гуандуна».

Попытка Кан Ю-вэя привлечь японское правительство к вмешательству во внутренние дела Китая провалилась: через пять дней после его приезда в Токио пал кабинет маркиза Окумо. Оставалось использовать уже полученные средства на то, чтобы вызволить из Китая родных и учеников...

22 марта следующего, 1899 г., Кан Ю-вэй впервые в своей жизни отправился за океан – искать счастья в Америке и Великобритании. 7 апреля он высадился в канадском Ванкувере, где был триумфально встречен местной китайской диаспорой, во главе с влиятельным торговцем Ли Мэн-цзю (Ли Монг Го на диалекте), в доме которого поселился. 16 апреля он уже выступил на митинге перед 1300 представителями китайской диаспоры. Однако было очевидно, что следовало выходить за пределы чайнатаунов.

10 мая 1899 г. Кан Ю-вэй в Оттаве принял за чаем сэра Уилфред Лорье, премьер-министр Канады. На Кан Ю-вэя произвело впечатление, что сэра Уилфред, франко-канадец по происхождению, столь лоялен Британской короне. Он был поражён прочностью связей Канады и Австралии с метрополией, но и степенью автономии, которая была предоставлена этим членам Британской Империи. Вечером он был на балу в доме генерал-губернатора, графа Минто, где художница из Торонто написала его портрет!

Триумфальный приём в Канаде убедил Кан Ю-вэя, что в Лондоне можно искать поддержки и без колебания отплыл в Ливерпуль. В Лондоне он поселился в резиденции бывшего лорда Адмиралтейства, Чарльза Бересфорда, с которым встречался в 1898 г. в Гонконге. Лорд Бересфорд всячески уверял Кана, что будет просить Британское правительство заставить вдовствующую императрицу отречься от регентства и способствовать установлению в Китае конституционного правления. 9 июня лорд Бересфорд поднял этот вопрос на заседании Палаты общин. Дебаты по вопросу Кан Ю-вэя в Палате общин продолжались от четырёх пополудни до полуночи, в пятницу, 9 июня 1899 г. Сэр Чарльз Дилк, глава Либеральной партии, напирал на русскую угрозу на Дальнем Востоке, и считал, что для Лондона выгоднее иметь в Пекине сильное правительство. Лорд Чарльз Бересфорд (депутат от Консервативной партии), заявил, что реформы в Китае будут даже успешнее, чем в Японии, а если этого не сделать, Китай попадёт в руки

России. Однако победила соглашательская точка зрения депутата Муна: следует иметь дело с тем правительством, которое фактически обладает властью. Именно Либеральная партия (во главе с сэром Чарльзом Дилком) провалила дебаты: «за» проголосовали только 14 человек... Поражению миссии Кан Ю-вэй способствовали также сообщения британского посла в Пекине – сэра Клода МакДональда, находящегося в хороших отношениях с Ли Хун-чжаном и Жун Лу...

Кан Ю-вэй написал по этому поводу стихотворение:

*Напрасны были стенания,
Только все дела перепутались.
Министр право имел, но всё было тщетно,
А Парламент – одни только фракции...
Кто сможет теперь покарать Чжан Хэна?
Как сможет У Чжао стать государем?
Лишь воды несут бедствия дальше,
Лишь облака встают из-за восьмой четверти...*

Несдавшийся Кан Ю-вэй вернулся в Канаду: предстояло искать новых союзников. В первую очередь следовало преодолеть политическую апатию китайских эмигрантов, и заставить их ощущать себя причастными к делам на родине. Этому Кан Ю-вэй посвятил всё лето. В Нью-Вестминстере он даже согласился записать свою речь на фонографе.

С целью консолидации диаспоры эмигрантов (в основном, южан по происхождению) Кан Ю-вэй создал Ассоциацию за реформы в Китае (*Чжун го вэй синь хуэй*). Поскольку большинство эмигрантов-китайцев занимались бизнесом, было решено организовать Общество защиты торговли (*Бао шан хуй*), целью которого было также объединять китайских эмигрантов ради борьбы за их права на чужбине и помощи родине. На одной из встреч, один из лидеров эмигрантов предложил, что ежели император рисковал жизнью ради спасения нации, то не лучше ли было бы назвать организацию Обществом спасения императора (*Бао Хуан хуэй*)?

В тринадцатый день шестой луны года *цзи-хай* (20 июля 1899) было официально организовано Общество спасения императора. По-английски оно именовалось Ассоциацией за реформы в Китае (*China Reform Association*), но китайцы знали об истинной её цели. Последующие годы стали временем невиданного роста Ассоциации, так что казалось, что последователи Кан Ю-вэй полностью подавят деятельность революционеров-суньятсенистов. К началу 1903 г. отделения Ассоциации реформы в Китае имелись в 170 городах Канады, США, Гавайских о-вов, Панамы, Мексики и Перу, с общим количеством членов, превышающим сотню тысяч человек. Это была массовая партия, беспрецедентная в истории Китая. Увеличению Ассоциации способствовало основание реформаторских газет, издаваемых в китайских общинах многих частей света. Кроме газет и отделений Ассоциации, реформаторы стали создавать школы в китайских общинах Малайи, Явы, Австралии, Канады и США. Все они создавались по образцу Да тун'ской школы (*Да тун сюэ сяо*) в Йокогаме, и часто учителями в них работали сотрудники этой школы. В США Ассоциация реформаторов основала 22 школы военного дела (*Кан-чэн сюэ сяо*) и даже приглашала отставных американских военных для муштры нескольких тысяч учеников. Вообще период 1899 – 1907 гг. стал периодом наибольшей активности действий китайских реформаторов в эмиграции.

Знаковым событием стало празднование в Нью-Вестминстере 2 августа 1899 г. тезоименитства Его Императорского величества Гуан-суй, описанное Кан Ю-вэй так:

«В тринадцатый день шестой луны 1899 года я учредил Общество защиты Императора. В двадцать восьмой день я вёл членов китайской Ассоциации человеколюбия славить Тезоименитство государя. Драконий флаг трепетал по ветру, и весь [Нью-] Вестминстер радовался вместе с нами.

*Заморские страны первыми явились
Внимать чудесам Золотого века.
Драконий флаг трепещет на Белой террасе
И белые люди поднимают бокалы,
А жёлтая раса зажигает лампы.
Многая лета государю, многая лета!
А я – малый чиновник, сломленный,
Рыдая, приник к диким травам...»*

На этом удаче Кан Ю-вэя как политического деятеля завершились навсегда.

Узнав о нездоровье матери, реформатор отправился в Гонконг, тогда это было можно сделать только через Японию. Японское правительство получило от Цинского двора требование захватить Кана сразу после высадки на японский берег, но премьер Ямагата Аритомо распорядился дать транзитную визу. В двадцать второй день девятой луны (5 ноября), пока он был в Иокогаме, агенты Цы-си сожгли редакцию газеты реформаторов *Цин-и бао*. Многие рукописи Кан Ю-вэя погибли.

24 января 1900 г. все телеграфные агентства мира распространили известие о том, что Цы-си назначила Пу-цзюня, сына князя Дуаня (Цзай-и), одного из фаворитов Цы-си, наследником престола и законным наследником государя Тун-чжи (вместо правящего императора Гуан-суй). Указ вызвал всеобщий страх в империи и в китайских общинах за границей, были и строптивцы. Телеграммы от 46 общин за рубежом, подписанные более чем десятью тысячами человек, пришли в Пекин. Один из соратников Кан Ю-вэя – Цзин Юань-шань, тогда возглавлявший Шанхайский телеграф, подал ходатайство, подписанное 1200 шанхайскими учёными и простоллюдинами, содержащее осуждение этой замены. Неудовольствие выразили Лю Кунь-и, губернатор Цзяннани и Цзянси, многие провинциальные чиновники и иностранные дипломатические представители. Перед лицом оппозиции, императрице пришлось отказаться от намерений немедленно свергнуть законного государя Гуан-суй. В этом Цы-си обвинила реформаторов и подтвердила указы относительно их ареста и немедленной казни. В Гуандуне начались преследования семей некоторых лидеров китайских эмигрантов в США. Указ пятнадцатого дня первой луны года *гэн-цзу* (14 февраля 1900) обвинял Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао в преступном основании газет, созыве незаконных собраний и подстрекательстве против законной власти; вновь были выпущены указы об их розыске и аресте. Ли Хун-чжан, генерал-губернатор Гуандуна и Гуанси, получил указание лично возглавить их поиски, и была установлена награда в 100 000 лян за сведения, которые приведут к их аресту. Вновь было проведено изъятие и сожжение их книг и печатных блоков. Цинские власти также отправили наёмных убийц охотиться за Каном. Однажды убийца забрался в верхнюю спальню, где располагался учитель. Убийца целился в голову, но в этот самый миг Кан повернулся, и стрела не попала в цель. Кан Ю-вэй закричал, и убийца ретировался. Далее цинские агенты затеяли подкоп под его дом, чтобы взорвать учителя динамитом, но заговор был раскрыт вовремя.

В этих условиях Кан Ю-вэю пришлось прибегнуть к помощи британских властей, отбыв в Сингапур. Губернатор – сэр Джеймс Александр Свиттенхэм поручил его защиту восемнадцати индийским солдатам.

В Сингапуре Кан Ю-вэй каждый день встречался с деятелями антияпонском сопротивлении на Тайване (ставшего в 1895 японской колонией). В третью луну по китайскому календарю вспыхнуло Ихэтуаньское (Боксёрское) восстание и волна ненависти ко всему иностранному захлестнула Северный Китай. Реформаторы расценили это как возможность выступить в защиту императора, мобилизовали все средства Общества спасения Императора. Кан Ю-вэй руководил из Сингапура, Лян Ци-чао собирал средства в Японии и на Гавайях, и координировал все действия разросшейся организации.

Подготовка к вооружённому восстанию лихорадочно велась всю весну и начало лета. Основные фонды были составлены из пожертвований жителей США и Канады, частично – жертвователей Гавайев, Японии, Гонконга и Аомэня, но большая часть вкладов была сделана Цю Шу-юанем, координатором общин Юго-Восточной Азии. Были даже планы обложить данью богатых китайцев и сочувствующих иностранцев. Все листовки Общества спасения Императора, включая англоязычные, печатались в Сингапуре под редакцией Линь Вэнь-циня. Он без устали пропагандировал свержение Цы-си и восстановление власти императора Гуан-суй. Реформаторы вели переговоры с японской армией, желая закупить устаревшие винтовки и артиллерию, желали наwerbовать филиппинцев. Китайские Вольные каменщики (*Чжи гун тан*), эмигрантское ответвление Красного общества («Триад»), оказали всяческую поддержку, и были установлены прочные связи с могущественными тайными организациями в Китае: Триадами и Обществом Старших братьев (*Го лао хуй*), их бойцы готовы были влиться в восстание. Для увеличения финансов была основана в Гонконге подставная фирма, прикрывающая контрабанду оружия и боеприпасов в Китай.

Циркуляр, датированный шестым днём шестой луны (2 июля), был направлен всем китайским общинам мира. Кан Ю-вэй объявил, что сейчас крайне нуждается в трёх вещах: 1) капиталах; 2) оружии;

3) солдатах. Он заявил: «Незаконное правительство в коллапсе, и партия реформы собирается в Шанхае, организуя временное Национальное собрание, чтобы подготовить создание нового правительства Южного Китая, положив, таким образом, начало новой нации. государь будет приглашён переехать на Юг и провозгласит политику защиты иностранцев в Китае и безопасности религиозных миссий. Как только наша Армия справедливости одержит победу, мы подпишем соглашения относительно торговли с зарубежными странами и продолжим исполнение программы реформ».

В Сингапуре Кан Ю-вэй возглавил пропагандистскую кампанию. Он много писал своим друзьям в Англии и Японии, стремясь получить их симпатии и поддержку, постоянно подчёркивая, что целью его восстания является восстановление законной монархии и начало реформирования Китая, которое, в случае успеха, изменит историю Востока. Он говорил, что отказывается от насилия, ибо оно ведёт к напрасному кровопролитию, и зарубежные страны должны помочь облегчить страдания китайского народа, восстановив мир и порядок в стране.

Тем не менее, восстание намечалось на пятнадцатый день седьмой луны (9 августа), одновременно в четырёх провинциях, однако после встречи в Ханькоу лидеров повстанцев, было решено отложить выступление до полной готовности. Однако в Датуне местный координатор Цзинь Ли-шань, то ли не получив приказа, то ли понадеявшись на свои силы, преднамеренно не выполнив его, начал восстание в назначенный день. После трёх дней сражения он был разбит и бежал. Все планы заговорщиков стали известны Цинскому правительству. В двадцатый день седьмой луны (14 августа) хунаньский губернатор Чжан Чжи-дун со своими войсками взял штурмом штаб заговорщиков Армии освобождения в Ханькоу и захватил её лидеров. В двадцать девятый день седьмой луны (23 августа) тридцать командиров повстанческих отрядов были казнены в Учане.

Известия о крахе явились Кан Ю-вэю в виде телеграммы в тридцатый день седьмой луны (24 августа). Не зная подробностей, он полагал, что ситуация может измениться. Однако когда он узнал детали, им овладело беспокойство. Кан Ю-вэй многого ожидал от восстания, он потратил много сил на его подготовку, подбор кадров, поиск финансирования. Разочарование было глубоким, более он никогда не обращался к реализации реформаторских планов военным путём.

Покушения на жизнь Кан Ю-вэя не прекращались, ему даже пришлось скрываться на маячном острове Таньжун Бутунь, откуда он с болью взирал на дымы английской эскадры, направлявшейся громить Ихэтуаньское восстание в Китае. Здесь его навеситил Лян Ци-чао, направлявшийся тогда в Австралию. В ходе их беседы Лян Ци-чао заявил, что Китай слишком велик как государство, и предложил превратить 18 провинций в 18 самостоятельных государств. Кан Ю-вэй был потрясён услышанным, и попытался убедить Лян Ци-чао, что это предложение окончательно уничтожит Китай.

Впервые за эти годы у Кан Ю-вэя нашлось время для научного творчества. Он смог взяться за восстановление своей книги «Исследование главных принципов и тайных смыслов [учения Конфуция] в исправленных анналах Вёсен и Осеней» (*Чунь цю би сюэ да и вэй янь као*). В 1895 г. рукопись учитель положил в стол, после того как Цинский двор потребовал уничтожить его прежнюю книгу. Рукопись он взял с собой в Японию, где она хранилась в редакции газеты «Обсуждение Китая» и погибла в результате поджога редакции в 1899 г.

К 1901 г. физическое и моральное состояние учёного было критическим: неудачи восстания, постоянные опасения за жизнь и интенсивная научная работа привели 43-летнего мыслителя на грань жизни и смерти. Из Гонконга срочно прибыла его вторая дочь Тун-би, чтобы ухаживать за отцом.

В двадцать четвёртый день шестой луны (8 августа) учитель закончил восстановление книги *Чунь цю би сюэ да и вэй янь као*, на что потребовалось 190 рабочих дней. В этой книге Кан Ю-вэй доказывал, что истинное учение Конфуция легче всего отыскать в летописи *Чунь цю*: принципы Конфуция были основаны на едином – *жэнь*-человеколюбии, которое и есть основа человеческого общежития. Его законы были законами равенства, и они хорошо подходят для социальных перемен. Однако при династии Хань (202 г. до н.э. – 220) великие принципы Конфуция были извращены, а его сокровенное учение оказалось в тени. В своей книге Кан Ю-вэй стремился отыскать исправления и реконструировать первоначальный текст летописи Вёсен и Осеней, чтобы разъяснить конфуцианский смысл человеколюбия для достижения мира и идеалов Великого Единения (*Да тун*). Было необходимо разъяснить учёным, что целью развития Китая и всего мира Конфуций считал *Да тун*, более высокую стадию цивилизации.

Тропический климат Пенанга, куда весной переехал учитель, пагубно сказывался на его здоровье, поэтому 7 декабря 1901 г. Кан Ю-вэй с дочерью отправились в Индию, где, как он надеялся, гималайский климат прогонит лихорадку. 12-13 декабря учитель пребывал в Калькутте, тогда – столице Британской Индии. Целый день пришлось потратить для приобретения лицензии на ношение огнестрельного оружия (служгой Ли Таном, служившим и телохранителем). Там же Кан Ю-вэй встретился с вице-королём Индии, лордом Керзоном, и был на следующий день приглашён в его дом к чаю.

Далее по незнанию Кан Ю-вэй отправился в долину Ганга, обнаружив ошибку, решил осмотреть достопримечательности Индии. На Рождество он прибыл в Агру – столицу Великих Моголов и потратил три дня на осмотр Тадж-Махала, Красного Форта (Лал-калы), мечети Моти-Масджид и гробницы могольского императора Акбара в Сикандаре. В стихотворениях этого времени он отождествлял Агру с городом Шэвэй (Шравасты), упоминаемом в буддийских канонах, столь им почитаемых. Однако визит в индуистский храм произвёл на Кан Ю-вэя чрезвычайно тягостное впечатление, ибо он счёл, что непристойные индуистские культы являются искажённым буддизмом, напрочь забытым на его исторической родине.

29 декабря 1901 года Кан Ю-вэй прибыл в Дели. За три дня, проведённых в городе, он осмотрел Железную колонну и минарет Кутб-минар, и даже забрался на его вершину, ибо верил, что это и есть Столб Стервятника, упомянутый в буддийских писаниях. Он полагал, что обозреваемые им парки и есть Вихара и Джетавана, которые Судатта даровал Сиддхарту Гаутаме (Будде), а Дели и есть истинный град Шэвэй (Шравасты). В Калькутту учитель вернулся 8 января 1902 года, успев побывать в священном для индуистов Варанаси. Из Калькутты, сильно утомлённый учитель 19 января поехал в известное дачное место Дарджилинг, на границу Гималаев, служившую местом отдохновения и английских обитателей Индии...

Кан Ю-вэй арендовал в Дарджилинге дом, тропа в лесу вела от него к навесу, который он назвал Хижиной снегов Сумеру (*Сюми сюэ тин*). Под горой Сумеру он разумел Гималайские горы. Навес был оснащён бамбуковой москитной сеткой, здесь имела походная постель с соломенной циновкой. В этом обиталище был начат цикл «Стихотворений, [созданных в] Хижине снегов Сумеру» (*Сюми сюэ тин ши цзи*). Однажды учитель с дочерью даже отправились верхом в Гангток, столицу Сиккима. Путешествие по гималайским предгорьям заняло девять дней. Они были восторженно встречены британским комиссаром, местным раджей и его семейством. Во время обмена дарами Гун-би вручила своё золотое кольцо одной из раджин.

По возвращению в Дарджилинг Кан Ю-вэй ожидали тревожные новости: в Гонконге скончался его новорождённый сын, а также назревал кризис партии. В Китае уже провалилось восстание Тан Цзай-чана; придворные консерваторы, во главе с регентшей – вдовствующей императрицей Цы-си, были непримиримы; иностранные интервенты довершили разгром ихэтуаней; Цинский двор отказался от всяких реформ; государь длительное время пребывал под домашним арестом; из-за необходимости выплаты репараций интервентам резко увеличились налоги... Всё это резко остудило пыл многих лидеров реформаторского движения. Последним ударом было возвращение Цинского двора в Пекин из Сианя, где скрывалась императрица. В результате многие последователи Кан Ю-вэя во главе с Лян Ци-чао и Оу Цюй-цзя пришли к выводу, что главными врагами китайцев являются маньчжуры, что маньчжурские чиновники развращены, коррумпированы и законченные реакционеры, так что надеяться на реставрацию власти государя Гуан-суй бессмысленно, а надобно учинить революцию и изгнать маньчжуров. Хань Вэнь-жу сравнил маньчжуров с тиграми. Сюй Цинь и Оу Цюй-цзя написали книгу под названием «Новый Гуандун» (*Синь Гуандун*), где обосновывали учреждение независимого правительства в Южном Китае, а Лян Ци-чао вошёл в сношения с суньятсенистами и рассуждал о «принципе разрушения».

В шестую луну (по китайскому календарю) Кан Ю-вэй написал два длинных послания. В письме, обращённом Лян Ци-чао, Оу Цюй-цзя и другим, он начал с напоминания об Индии, где отсутствие единства привело к покорению её Британией. Он писал, что провозглашение независимости Гуандуна в случае успеха, принудит другие провинции сделать то же самое, так что Китай развалится на малые государства, и это приведёт к перманентной гражданской войне, как во многих странах Латинской Америки. Он убеждал учеников бороться с Жун-лу и восстановить законного государя на престоле, установить конституционное правление, при котором маньчжуры и китайцы смогли бы жить в мире и равенстве, а не борьбе и подчинении.

Второе его письмо было озаглавлено «Для Китая пригоден только конституционный путь, но не революция», предназначено оно было китайским эмигрантам в Америке. Он подчёркивал, что реставрация власти императора Гуан-суй даст возможность Китаю сделаться великой державой, позволит народу участвовать в управлении и создать в Китае демократические права и свободы. Он предупреждал, что революция приведёт только к гражданской смуте, которая ослабит Китай, сделав его желанной добычей для империалистических держав. Провозглашение провинциальной независимости привело бы только к появлению восемнадцати слабых небольших государств; это тоже приведёт к гражданской войне и иностранному вторжению. Он писал, что Великобритания сильна благодаря своей конституционной монархии, в то время как латиноамериканские республики слабы, а благодаря федерализму бесперерывно пребывают в «родовых муках».

Огромная численность населения, продолжал он, и размеры страны, долгая история Китая не позволят сразу перейти от абсолютной монархии к республиканской форме правления; без надлежащих приготовлений это будет подобно восхождению на башню, не пользуясь лестницей, или же пересечением реки, не имея судна. Кан Ю-вэй заявил, что Конфуций разделит человеческий прогресс на три стадии:

«...Время Хаоса, время Поднимающегося Равновесия и время Единого Мира. Период хаоса был периодом абсолютной монархии; период Поднимающегося Равновесия – периодом учреждения конституционализма, дабы разграничить права правителя и народа; и период Единого Мира – демократии, равенства и Великого Единения (Да тун)... Ныне Китай прогрессирует от старого мира к миру Великого Единения, заменяя монархию на демократию. Это – переходная стадия, её Конфуций назвал бы Становящимся Равновесием. Три политические системы – абсолютная монархия, конституционная монархия и демократия – должны смениться одна другой в надлежащей последовательности. Изменять эту последовательность означает вызывать большой беспорядок».

Как видим, в Дарджилинге Кан Ю-вэй посвятил большую часть своего времени писательскому труду. В третью луну он закончил свой «Комментарий к Лунь Юю» (*Лунь Юй чжу*). Это была реконструкция более ранней работы, утраченной во время обыска в его доме в 1898 г.. Он приписывал авторство «Бесед и суждений» Цзэн-цзы и указывал, что первоначальный их текст содержит намёки на конфуцианский идеал Великого Единения.

Весь этот год Кан Ю-вэй часы досуга тратил на обработку рукописи книги, разъясняющей идеал Великого Единения (*Да тун*), изложенный в главе «Изменение обрядов» (*Ли юнь*) «Канона обрядов» (*Ли цзи*). Он написал комментарий к ней в 1884 г., в возрасте 27 лет, занимаясь тогда геометрией. В «Автобиографии» Кан Ю-вэй так описал свою работу над замыслом этой книги: «...Понимание моё углубилось. Как клещ под микроскопом может быть увеличен до размера [тележного] колеса, а муравей – до [размеров огромного] слона, так и я пришёл к пониманию принципа относительности размеров. Как электричество и свет могут преодолевать сотни тысяч *ли* в секунду, так и я пришёл к пониманию принципа относительности скорости. Я пришёл к пониманию того, что вне самых больших объектов существуют ещё большие, а в пределах наималейших объектов существуют ещё меньшие, так что объект может быть разделён и подразделён бесконечно, и никакие две вещи среди мириад вещей не являются одинаковыми, так что в сочетании и взаимодействии изначальных явлений можно провидеть рассвет грядущих...

Таким образом, я постиг, что не существует прошлого и не существует будущего, и я сделал предметом моих помышлений настоящее; и как я постиг, что оно не пусто, я сделал предметом своих забот сохранение жизни. Поскольку я осознал бессмертие духа, я сделал предметом своего учения феноменальный мир; и как я постиг, что грубость и самосовершенствование, чистота и нечистота – относительны, я направил себя к интуитивной мысли; и как я освободился полностью от дискриминации, личной вовлечённости, эгоистических желаний и жадности, так я сделал любовь и человеколюбие исключительными принципами своего действия.

...Я полагаю, что, помимо нашего, существуют бессчётные миры, подобные нашему физическому миру, но также и духовные миры, и даже миры в пределах кровавых телец. Такова корреляция миров. Таким образом, когда я описывал мир, я приблизился к пониманию доблести, сообразности, чувства справедливости, мудрости и человеколюбия... Центром моего учения я сделал человеколюбие, которое следует воле Неба в становлении единения по всей Земле: объединению наций, рас и религий. Я также размышлял относительно изменения речи, письма, пищи, напитков, одежды и образа жизни человека по-

сле объединения мира, уравниения [в правах] мужчин и женщин, а также универсальных законов для всех, что позволит установить на Земле рай.

(...) В рассуждении своём я начинал с происхождения живых существ, организации сообществ, областей вселенной и царства звёзд, причин их возникновения, [многообразия] их форм, размеров и движений, изменений их духа и сущности; от этих мыслей я перешёл к нахождению моего места в обществе и моих жизненных устремлений. Приобретая разумение множества вещей, я радовался на себя самого. Избегая общения с другими людьми, я принимал свою долю без вины или самовосхваления; не заботясь о потерях и прибылях, я позволял своим мыслям течь свободно, без начала и без конца. Я размышлял о бесчисленных поколениях, приходящих и уходящих, богатых и знатных, бедных и скромных, обладающих счастьем или страдающих, императорах и князьях, генералах и министрах, нищих и голодных, и даже волах, лошадях, цыплятах и свиньях. Все они были созданы с [какой-то] целью. Я чувствовал, что это не было сделано для меня, чтобы [спасти их или] подчиниться [естественному порядку вещей]. Целью же моего создания было сохранение массы живых существ, и даже если вместо Неба мне суждено сойти в преисподнюю, я всё равно спасу их; даже если вместо Чистой Земли я сойду в грязь этого мира, я спасу их; и даже если вместо того, чтобы сделать меня князем или императором, меня сотворили простым учёным, я спасу их. Вместо [наслаждения] чистотой и удовольствием, высоким положением, я пойду среди масс живых существ, чтобы спасти их. Таким образом, каждый день спасение общества было важнейшей моей мыслью, и каждое мгновение спасение общества было моей целью в жизни, ради которой я жертвовал всем. Конечно, существует множество миров, больших и малых, но я мог сострадать и пытаться спасти людей, живущих рядом со мной, и тех, кого мне ещё предстоит встретить. Я собирался обращаться к ним каждый день и лелеял надежду, что они выслушают меня. Такова стала цель моей жизни».

Итогом долгих раздумий учителя стала «Книга о Великом Единении» (*Да тун шу*) в десяти частях. Придя к выводу, что время неподходяще для публикации, страхась неправильного понимания своих идей, могущих вызвать смуту, Кан Ю-вэй положил рукопись в стол, и очень редко показывал её даже близким.

В двенадцатый день одиннадцатой луны (11 декабря 1902 года) он отослал дочь Тун-би обратно в Гонконг, навестить семью, а затем – в Соединённые Штаты на обучение в колледже. В следующем месяце истекал срок аренды его жилища, и он приискал себе новый дом рядом с парком.

Начало нового 1903 года ознаменовалось небывалым снегопадом, полностью отрезавшим Дарджилинг от внешнего мира. Совсем больной, неспособный даже полноценно питаться, Кан Ю-вэй пробыл в закрытом помещении до третьей луны, удручённый мыслями о тяжёлом положении на родине. Тогда же пришли новости о кончине Жун-лу – двоюродного брата Цы-си, которого Кан Ю-вэй считал своим главным противником, и он решил, что настало время возвращения. В четвертую луну он покинул Индию и совершил поездку в Юго-Восточную Азию. В Рангуне при помощи *И-син хуэй*), полуподпольной организации (в настоящее время – китайская мафия), он учредил местное отделение Общества спасения императора и планировал отправить своих новых друзей в Улиши (Иоханнесбург?), в Южной Африке, для основания новых отделений Общества. В седьмую луну он прибыл на Яву, ради учреждения новых отделений Общества, здесь же он основал более тридцати школ для нужд просвещения более трёх тысяч детей китайских эмигрантов. Всюду он произносил речи, призывавшие китайских эмигрантов уделять большее внимание делам на родине, и всячески просвещал их в ситуации в Китае. В девятую луну он вернулся в Гонконг. Начинался новый этап в жизни учителя.

Период жизни Кан Ю-вэя после 1902 года и до возвращения в Китай в 1912-м – не менее интересен. В условиях явного политического поражения движения реформаторов, – из-за недостаточной его радикальности, учитель сделал попытку заняться бизнесом, что привело в 1907 г. к невероятным успехам в Мексике. Годы 1902 – 1912 – это годы странствий, когда Кан Ю-вэй посетил едва ли не все регионы земного шара: любовался полуночным солнцем в Норвегии, и писал о Христе в Иерусалиме, рассуждал о монгольском происхождении ацтеков в Мексике, и путешествовал по Греции и Румынии. Он попытался основать новое семейное гнездо в Швеции, купив для этого остров близ королевской резиденции, но так и не сумел посетить Россию, связанную с императорским Китаем соглашением о его выдаче...

В этот период резко меняются его взгляды: прожив около пятнадцати лет за границей, он так и не удосужился изучить ни одного иностранного языка (его последняя наложница Хэ Чжань-ли, которую

он взял в 1907 г., долгие годы служила ему переводчицей с английского), но при этом всё более и более разочаровывался в западной культуре и политике, хотя возлагал когда-то столько надежд на Европу и Америку. Истоки мнимого «перерождения» Кан Ю-вэя в консерватора и монархиста также следует искать в эмиграционном периоде его жизни, но он уже вне нашего рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борох Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.) / Л.Н. Борох. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1984. 296 с.
2. *Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX – XX вв. Лян Ци-чао: теория обновления народа / Борох Л.Н. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 287 с.
3. *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Избранные произведения: в 5 кн. Книга 1: История Китая до XX века. М.: Наука, 2006. С. 10 – 415. (Последнее переизд.)
4. *Кан Ю-вэй.* Да тун шу (Книга о Великом Единении). Пекин: Гуцзи чубаньшэ, 1956. 301 с.
5. *Кан Ю-вэй.* Во ши (Моя история). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 1999. 284 с.
6. *Куан Бо-линь.* Кан Ю-вэй ды чжэсюэ сысян (Философские идеи Кан Ю-вэя). Чунцин: Чжунго шэхуй чубаньшэ, 1982. 3, 170 с.
7. *Цзи Нэн-вэнь, Ло Сы-дун.* Кан Ю-вэй чжуань (Жизнеописание Кан Ю-вэя). Хэвэй: Аньхуй жэньминь чубаньшэ, 1998. 3, 316 с.
8. *Hsiao Kung-chuan.* A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858 1927. Seattle, L.: Univ. of Washington Press, 1975. VII, 669 p.
9. *K'ang Yu-wei.* Ta T'ung Shu. The One World Philosophy of K'ang Yu-wei / Tr. By L.G. Thompson. L.: Allen & Unwin, 1958. 300 p.
10. *K'ang Yu-wei.* A Biography and a Symposium / Ed. with trans. by Jung-pang Lo. Tucson: Univ. of Arizona Press, 1967. 541 p.

Поступила в редколлегию 10. 11. 14

AUTUMN OF THE REFORMER: KANG YOUWEI IN EXILE (1898–1902)

D.E. Martynov, Yu.A. Martynova

The article dedicated to the life and work of Kang Youwei (1858–1927) in the first period of his exile after the failure of the Reform movement 1898. This period of his life completely represented in the national historiography.

Keywords: Kang Yu-wei, reformism, Protect the Emperor Society.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – докт. ист. наук (КНИТУ-КАИ, Казань)
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна – докт. ист. наук (КНИТУ-КАИ, Казань)
E-mail: juliemartynova82@gmail.com